

Андрей Кобяков: Я рад приветствовать собравшихся на наш круглый стол, который, напомним, называется «Россия и создание будущего миропорядка». Меня зовут Андрей Кобяков, я буду сегодня выступать в качестве ведущего модератора. Перед началом несколько слов о регламенте. Следующие условия определяют наш регламент: полное время круглого стола полтора часа, то есть 90 минут; число экспертов приглашенных на сегодняшнюю дискуссию – семь человек. Следует учесть время, необходимое для представления участников, открывающее вводную часть и модерирование, отсюда расчетное время – около 10 минут на человека. К тому же я планирую два круга, то есть два раунда выступлений с тем, чтобы каждый участник мог высказаться дважды. Таким образом, предлагаемый регламент для каждого участника – два раза по пять минут. Я вижу, у нас здесь есть такой прибор, я буду давать первый сигнал предупреждающий, что у оратора осталась одна минута, и второй сигнал о том, что время выступления подошло к концу. Мы, прошу понять, имеем жесткие ограничения по времени, поэтому я прошу всех участников с пониманием и должной ответственностью отнестись к необходимости соблюдения регламента.

Теперь несколько слов в качестве некоего вступления к нашей сегодняшней теме. Я вспоминаю, что чуть более четверти века тому назад появилась знаменитая концепция конца истории, которая была выдвинута Фрэнсисом Фукуямой. И с самого начала выхода его работы, получившей всемирную известность, мне казалась, как и многим другим глубоко думающим экспертам, абсолютно ложной эта концепция. Сильная Россия в истории всегда была стабилизирующим фактором мировой политики. Уход же Советского Союза с мировой арены отнюдь не снял напряженности, а напротив – оказался дестабилизирующим фактором для мировой политики.

Тем не менее, определенным политическим элитам за океаном уход геополитического конкурента показался достаточным условием для провозглашения однополярности мира, стал аргументом имперских притязаний и навязывания миру новых правил игры, в которых абсолютная правота по определению принадлежит лишь одной стороне. Это породило силовые акции, военные авантюры, целью которых объявлялось установление демократии. Это установление демократии стало оправданием массового и бесцеремонного вмешательства во внутренние дела государств, часто сопровождавшегося ковравыми бомбардировками, насильственной сменой режимов, физическим устранением неугодных политиков и государственных лидеров.

США стали произвольно трактовать нормы международного права, единолично стали определять, что соответствует этим нормам, а что нет, какие границы можно пересматривать и перекраивать, а какие нет, стали делить террористов на хороших и плохих. Юридические и институциональные основы, определявшие мировой порядок, установившийся после Второй мировой войны, таким образом были практически попорчены. Однако однополярный мир не состоялся, да и строго говоря, был невозможен.

На горизонте все яснее стала вырисовываться, как мне представляется, биполярная конструкция, в результате стремительного возвышения Китая.

Но биполярная конструкция мира, несмотря на определенную устойчивость, является все же конфронтационной по своей сути, и эта конструкция чревата серьезными конфликтами как регионального, так и мирового уровня. К тому же, как мне представляется, биполярная конструкция не может устроить ни Россию, ни целый ряд стран, претендующих на самостоятельную роль, имеющих серьезные амбиции, как минимум в региональных масштабах. В этом ряду можно назвать Индию, Иран, Турцию, Бразилию и ряд других стран. Миру нужна реальная многополярность и она явно вызревает, рождается в муках вопреки упорному сопротивлению уходящему глобальному гегемону – Соединенным Штатам Америки, и рискну предположить, что вопреки нежеланию реальной многополярности со стороны набирающего вес Китая, который на словах поддерживает лозунг многополярности, но прагматично использует его для борьбы с США в целях укрепления своего собственного растущего могущества.

[00:05:15]

В мире идет в любом случае, и это очевидно, существующая ребалансировка сил, и как всегда в таких случаях нормы, правила, институты прежнего мирового порядка находятся в кризисе. Так ли это, что нас всех ждет, какими представляются очертания будущего мирового порядка – хотелось бы обсудить в рамках сегодняшнего круглого стола с нашими уважаемыми и высококомпетентными экспертами.

Позвольте мне представить сегодняшних участников нашего обсуждения. Я пойду слева от меня направо. Вилли Виммер, парламентский статс-секретарь Министерства обороны ФРГ в 1988–1992 годах, бывший вице-президент Парламентской ассамблеи ОБСЕ в 1994–2000 годах, а также, пожалуй, рекордсмен-депутат Бундестага в период с 1976 по 2009 год. Рядом с ним Ги Меттан, швейцарский политик, журналист, президент швейцарского пресс-клуба, руководитель Российско-Швейцарской Торговой Палаты. Он достаточно известен и в России благодаря тому, что не так давно была переведена его книга, о ней мы еще скажем, она имела большой успех в нашей стране. Господин Эмерик Шопрад – депутат Европарламента, известный специалист в области геополитики, профессор многих учебных заведений университетов.

По правую руку от меня один из ветеранов нашей дипломатии – чрезвычайный и полномочный посол Российской Федерации, бывший помощник по международным делам президента Российской Федерации, посол России в Дании, посол России в Узбекистане, среди прочих должностей, которые он занимал – это Дмитрий Борисович Рюриков. Вслед за ним по правую руку Дмитрий Александрович Данилов – он является заведующим Отделом европейской безопасности Института Европы в Российской академии наук, профессор Московского государственного института международных отношений Министерства иностранных дел Российской Федерации. Срджа Трифкович –

известный политолог, редактор внешнеполитического отдела палеоконсервативного журнала *Chronicles*, профессор политологии и международных отношений. И наконец – Александр Глебович Рар, научный директор Германо-Российского форума, известный политический эксперт и общественный деятель.

Давайте приступим к нашей работе. Первый вопрос я хотел бы адресовать вам, Дмитрий Борисович. В продолжение той преамбулы, которую я себе позволил в качестве ведущего – действительно ли мы имеем дело со сломом старого миропорядка и в чем это на ваш взгляд проявляется, если это так?

Дмитрий Рюриков: На самом деле слова международного правопорядка еще нету. Международный правопорядок не отмен. Он нарушается, и довольно серьезно. И ведущий мировой игрок действительно ведет себя так, как будто его нет, но с этим не согласны очень многие, подавляющее большинство, наверное, участников международных отношений. Здесь имеет место такая очень интересная ситуация: мне кажется, надо больше вообще говорить о том, что такое миропорядок, и что такое новый миропорядок. Новый мировой порядок – что это такое, и какую роль вот это понятие сейчас играет в нашей жизни. На самом деле новый мировой порядок – это давно разработанная уже концепция, это идеология, это философия.

[00:10:02]

Это уже конкретный реальный многопрофильный проект, который осуществляется где-то с 1930-1940-х годов, особенно активно стал осуществляться с 1960-х годов прошлого века, и он включает самые различные направления реализации. И то, что мы видим, то, что чаще всего нарушается в современном действующем миропорядке, который основан на Ялтинских и Потсдамских соглашениях, к которым государства пришли в результате наиболее трагического в истории противостояния добра и зла. Зло было повержено, государства выработали новые нормы взаимоотношений между собой в ходе реализации своих интересов, нет нужды говорить о том, сколько раз они нарушались по многим направлениям.

Но, тем не менее, я хотел бы подчеркнуть, что существующий миропорядок не отменен. Сергей Викторович Лавров года три назад говорил, что – давайте сядем и договоримся все-таки, чтобы соблюдать те нормы и правила международного общения, которые действуют, которые не отменены и которые подходят для подавляющего большинства государств. Но, к сожалению, совсем недавно он признал, что правил в международной жизни как будто уже не существует, правила не действуют. Но геополитика, военные какие-то кризисы, свержение режимов и другие действия, которые нарушают международное право – это всего лишь часть проекта нового мирового порядка, который имеет много сторон.

Новый мировой порядок предполагает, что не будет у государств суверенитета, независимости, не будет также многих компонентов в жизни мироустройства в каждом из государств, будет совершенно новое жизнеустройство для всех, будет некий единый центр мирового правительства, но вся жизнь будет выглядеть совершенно по-другому, и к этому нас ведут. Но не только путем международных, региональных, локальных кризисов, не только угрозой каких-то более серьезных столкновений, которые мы слышим от наших бывших партнеров. А здесь есть и невоенное направление, есть мягкая сила, которая активно продвигается, и достигла уже в мире, в особенности на Западе, а отчасти и в России – вполне ощутимых результатов: переделывается сознание, переделываются основы нематериального отношения к жизни, и очень многие стороны, к сожалению, у нас это тоже имеет место, как и в государствах Европы, которые по линии установления нового порядка тихим явочным путем значительно продвинулись вперед, к сожалению. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо, Дмитрий Борисович. Вы прекрасно уложились в наш жесткий регламент. Я хотел бы передать слово господину Вилли Виммеру. Я напомним, господин Виммер, что мы позавчера с вами имели достаточно продолжительную беседу, в которой немножко предварительно обсуждали тему сегодняшнего нашего круглого стола, и действительно говорили о том, что нормы международного права попираются каким-то уже просто абсолютно вопиющим образом. Даже не просто международного права, а права, как такового. Достаточно взять сегодняшний скандал вокруг дела Скрипаля, чтобы понимать, что отсутствует уже теперь понятие презумпции невиновности, страну можно обвинять, не предъявляя доказательств. Более того, эти доказательства, оказывается, не требуются и другим странам для того, чтобы поверить обвиняющей стране и прибегнуть к абсолютно резким дипломатическим движениям, которые вообще говоря, ставят мир гораздо ближе к какому-то почти осадному военному положению. Скажите, как вы все-таки думаете, куда все это ведет? Почему практически начавшаяся новая холодная война принимает даже более опасный характер, чем прежняя?

(00:15:10)

Вилли Виммер: Большое спасибо за то, что пригласили меня. Хотел бы поздравить вас с тем, что у вас такие замечательные переводчики, ведь без них я бы ничего не понял, так что хорошо, что есть перевод. Чтобы ответить на ваш вопрос, я хотел бы вернуться в 80-е годы. В 1988 году я регулярно посещал Вашингтон, где я мои коллеги получали особую информацию от главы ЦРУ. Это было летом 1988 года. В целом их основной посыл был таким: «Все мы знаем, что идет холодная война, но если мы взглянем на военные усилия Советского союза в Центральной Европе, то увидим, что все они направлены на защиту их родины, России. Это никакая не агрессия, а результат вторжений Наполеона и Гитлера.» Таким было посыл ЦРУ в 1988 году.

Теперь же, если мы взглянем на карту Европу, мы увидим в окрестностях Санкт-Петербурга танки из Америки, Германии и других стран. И как это выглядит для русских? Если сравнить ситуацию в 1988 году и нынешнюю ситуацию, можно увидеть, что бывшие враги и союзники во Второй мировой войне все собрались на западной границе России. Я думаю, нам нужно понимать эту картину, чтобы реально воспринимать нынешнюю ситуацию и то, что происходит на самом деле. Это противоречит всем решениям, принятым при объединении Германии, идеям о её вхождении в НАТО в виде единой страны и о том, что на территории Восточной Германии будут находиться только немецкие войска. Я сам участвовал в разработке этих планов. Я участвовал в переговорах, подписании договоров и соглашений, которые привели к объединению Германии. Так что я знаю, о чем я говорю, потому что это моя работа. Следовательно, думаю, мы должны быть знакомы с общей картиной и её развитием.

Второе замечание. Я принял участие в американской конференции по поводу ситуации в Европе, организованной Государственным департаментом и еще одним американским институтом. Главным лицом на ней был Джон Болтон, который теперь стал советником по государственной безопасности США. Эта конференция проходила в Братиславе в мае 2000 года. На нее были приглашены премьер-министры, главы государств, военные деятели, представители разведки из стран Центральной и Восточной Европы. Основной посыл этой конференции был следующим: «Мы призываем к изменению ситуации в Европе. Между странами Балтии и Одессой должна быть возведена искусственная (*воображаемая*) стена. От Одессы она будет простираться до **(нрзб. – 00:19:12)** и Турции. Все, что находится к западу от этой стены будет нашим, американским, в том числе и правовая система. А к востоку от этой стены остается Российская федерация и другие страны, но нас они не интересуют. Мы будем развивать этот план».

По результатам данной конференции я написал письмо Герхарду Шрёдеру, бывшему канцлеру Германии. Я христианский демократ с рождения, а он социал-демократ. Но для меня результат этой конференции был очень серьезным. И теперь, когда я вспоминаю 2000 год, я вижу, что этот план был воплощен в жизнь.

[00:20:02]

Мы, европейцы, оказались в ситуации, в которой мы живем по соседству и, приезжая в Москву, чувствуем себя там как дома, но при этом нам не разрешают наладить нормальное общение – и всё из-за этого плана по разделению Европы. Поэтому я думаю, этот план нужно иметь в виду, если мы хотим понимать, что происходит в мире. И Филиппины и «новый мировой порядок» тут не при чем. То, что происходит в Европе зависит только от нас.

И если вы спросите меня, что они думают о России – о ней думают так же, как и о Германии в 1914 году. Им не нравятся те, у кого есть собственная воля. И пока люди в Москве, в Хабаровске, или во Владивостоке считают, что имеют право принимать

собственные решения, Вашингтон это не устраивает. Пока вы так думаете, вы для них то же самое, что и Карфаген для римлян – вас нужно разрушить. И это война развернется на нашей территории – на территории Европы, поэтому я считаю, что мы должны иметь это в виду.

И третье или четвертое. В прошлом году президент США Трамп посетил Париж. Приехать в Париж – отличная идея. Это сердце Европы. Но целью этого визита было празднование столетней годовщины вступления США в Первую мировую войну на стороне Франции и Великобритании. И это значит, что всего через год будет годовщина подписания Версальского договора. Учитывая историю нашего континента, все мы знаем, к чему приводят недружественные действия в сторону своих соседей. Это ведет к войне. И поэтому я думаю, для всех нас было бы целесообразным вспомнить историю Европы с самого начала, с того момента, когда все только началось. И если мы вернемся к самому началу, то здесь нужно вспомнить и о Великобритании. Им отлично удавалось провоцировать войны между другими странами, и это может быть ситуация **(нрзб. – 00:22:38)**.

(00:22:42)

Андрей Кобяков: Благодарю вас, господин Виммер. Чрезвычайно важные исторические параллели и личный опыт, который абсолютно является бесценным, как мне кажется, в том, чтобы правильно диагностировать происходящее. Я хотел бы передать слово господину Шопраду. Мы переживаем довольно серьезные изменения геополитического и геоэкономического ландшафта, расклада сил. Лично я, как экономист, провел расчеты, и согласно этим расчетам, которые основываются на всемирно известных таблицах Ангуса Маддисона, даже предполагая серьезные затухания темпов роста развития Китая в ближайшие 15 лет, и их снижение до средне мировых, по расчетам получается, что уже менее чем через 15 лет доля Китая в мировой экономике составит практически одну треть. Более того, на тот момент достигнутая им экономическая доля в мировом валовом продукте будет превышать совместную долю США, Мексики, Канады и Европы вместе взятых. По крайней мере, будет равна или даже чуть больше.

Мы имеем дело с драматическим изменением этого расклада. Пока история демонстрировала нам до сих пор на протяжении многих столетий, что страна, которая становится экономическим лидером, начинает претендовать и на определенные позиции с точки зрения геополитики. Мы видим, что одновременно с этим бурно растет Индия, мы видим, как определенные притязания и амбиции высказывают целый ряд других стран. В то же время, как мне представляется, все меньше оснований говорить о субъектности Европы. Какими на ваш взгляд могли бы быть естественные коалиции, которые бы позволили бы ввести равновесие и баланс в этот новый мир, в который мы вступаем, и как в случае, если это не произойдет или какие-то коалиции сложатся иначе – это скажется на будущем мировом порядке?

(00:25:24)

Эмерик Шопрад: Прежде всего, спасибо за приглашение. Думаю, совершенно очевидно, что с момента распада Советского Союза Америка пытается создать однополярный мир, во главе которого будут стоять США. Они хотят оставаться страной номер один и не допустить, чтобы это место занял Китай. Поэтому они хотят продолжать контролировать глобализацию и не допустить создание многополярного мира, который мог бы основываться на суверенитетах и находящихся в их интересах моделях и политических режимах. Ведь только у Китая есть демографическая и экономическая возможность стать мировым лидером.

Каковы же основные оси американской стратегии? Я расскажу о различных пунктах этой стратегии. Первое – помешать Европе обрести независимость и расширить НАТО до такой степени, чтобы туда вошла Россия. Постепенное расширение НАТО происходит с 1990 года. Оно заменяет собой зону влияния Советского союза. Мы также видим попытки вовлечения Украины в НАТО – именно ради этого и возрождают русофобию и прежний страх перед Советским союзом. Это происходит для того, чтобы объединить европейские страны против Москвы. Это первый пункт американской стратегии.

Второй пункт состоит в создании кольца вокруг Китая посредством сети союзов: усиление союза с Южной Кореей, Японией, Индией и примирение с Вьетнамом. Индо-Тихоокеанская инициатива, продвигаемая Нью-Дели и Вашингтоном, призвана стать противовесом к китайской инициативе «шелкового пути», продвигаемой Пекином. То есть цель США – не допустить объединения Евразии. Это означает борьбу с российским проектом Евразийского союза и китайским проектом Пояс и Путь.

Третий пункт – поддержание энергозависимости Китая при помощи смены режима на Ближнем Востоке, заключающегося в устранении нефтяного национализма в Ираке, Ливии, оси Сирии-Ирана, и образовании союза Америки с нефтяными монархиями. Четвертое. Уменьшение ядерного сдерживания с помощью противоракетного щита. Пятое – сохранение доминирующей роли доллара на основе нефтедоллара. Доллар должен оставаться валютой, в которой ведется торговля нефтью и нефтепродуктами. Это означает **поддержание максимальной стоимости доллара [00:29:00]** в данный момент, когда ООН может предложить альтернативу, переход от мирового информационного общества, в котором доминируют США, к криптовалютам.

Шестое. Необходимо избежать многополярности в мировом информационном обществе. В то время как Россия пытается предложить контрмодель информации европейцам, африканцам, арабам и азиатам, американцы активно выступают против так называемой «пропаганды и манипуляций». Их цель – сохранить монополию на информацию.

Седьмое. Извлечь выгоду из перехода от *homo sapiens* к *homo deus*, улучшенной версии человека, в результате которой будет упразднена иерархия стран, и на ее место придет

иерархия, на верхушке которой будут стоять глобализованные западные и восточные элиты, а внизу будут располагаться «недочеловеки» – огромная масса людей, которые не имеют доступа к искусственному интеллекту, бионике и «улучшенным» людям.

[00:30:20]

И эта огромная масса людей, конечно же, может стать новыми рабами.

В заключение я хотел бы сказать следующее. Как вы знаете, Трамп был избран президентом, и его изоляционистская программа должна была помешать воплощению этого глобального проекта. Но американское глубинное государство избавилось от всех его советников, одного за другим, и взяло на себя контроль над президентом Трампом. И теперь, энергия Трампа снова может быть направлена на воплощение этого глобального проекта. Назначение Болтона знаменовало возвращение повестки дня неоконсерваторов, которые хотят преобразовать мир и приблизить господство Америки, при этом рискуя начать мировую войну.

Мы помним название этого проекта консервативного мозгового центра – проект «Новый американский век». В Вашингтоне не испытывают никаких сомнений по поводу того, что Вашингтон утрачивает позиции мирового лидера, и на смену ему приходит Китай. И можно с уверенностью сказать, что американской стратегией станет стратегия создания напряжения. Главной задачей России и развивающейся Азии станет не попасть в ловушку поляризации и, напротив, постараться содействовать созданию сбалансированного мира. Это единственный способ – не попасть в ловушку и продолжать содействовать созданию многополярного мира. Спасибо.

(00:32:05)

Андрей Кобяков: Спасибо, господин Шопрад. Это, как мне кажется, действительно, очень фундаментальный, хотя и короткий, но очень емкий разбор основных моментов, связанных с политикой сдерживания, которую проводят Соединенные Штаты в отношении геополитических конкурентов и складывающейся в этой связи ситуации. В продолжение этой темы мне бы хотелось передать слово Срджа Трифковичу. Я, прежде чем вы начнете свое выступление, хотел бы напомнить буквально о совсем недавно опубликованных и принятых документах стратегического значения в Соединенных Штатах. В декабре 2017 года была опубликована новая стратегия национальной безопасности Соединенных Штатов; 19 января была представлена стратегия национальной обороны министром обороны Джеймсом Мэттисом. В январе же 2018 года появился специальный доклад совета по международным отношениям под названием *Containing Russia* – «Сдерживание России. Как отвечать Москве на ее интервенции в отношении американской демократии и растущего геополитического вызова», это подзаголовок этой работы. Заметим, что Совет по международным отношениям США – чрезвычайно влиятельная организация выработки основ внешней политики Соединенных

Штатов вне зависимости от партий тех или иных, или президентов находящихся у власти. Наконец, тогда же, в начале января, был опубликован доклад Комитета по международным отношениям американского Сената – «Путинская асимметричная атака на демократию в России и Европе. Следствие для национальной безопасности Соединенных Штатов». Я уже не говорю про то, что вслед за этими документами многие положения перекочевали в ежегодное послание президента Дональда Трампа.

Все эти документы характеризует предельная эскалация напряженности, прямое обозначение противников и даже врагов Соединенных Штатов, к которым, конечно, относятся и Россия, и Китай. Но половина из этих документов прямо адресованы в адрес России, как я уже сказал.

[00:35:00]

И, как мне кажется, фактически принимаются новые доктринальные положения, которые, я бы сказал, радикальным образом изменяют существующую ситуацию. То есть конфронтация приобретает очень острые очертания – чем это чревато для мира и куда это может привести? Так я бы сформулировал свой вопрос.

(00:35:31)

Срджа Трифкович: Спасибо, господин председатель. К сожалению, я не могу дать вам краткий и рациональный ответ. Мне хотелось бы начать с постоянно наблюдаемой в истории тенденции океанических торговых держав распространять свою мощь в сердце Евразии. Есть рациональное зерно в том, чтобы отметить, что с этой точки зрения американская политика является преемником политики Британской Империи в 19-м веке – политики в духе Мэхэна, Маккиндера и Спайкмэна. Пока все складывается. Однако проблема в том, что на западе с обеих сторон Атлантического океана распространена настолько глубокоэмоциональная, сердечная, решительная и абсолютно интуитивная русофобия, что она не поддается никакому геополитическому, стратегическому или, вообще говоря, рациональному объяснению.

Поэтому вместо того, чтобы вдаваться в детали новой стратегии государственной безопасности, принятой в декабре прошлого года, или стратегии государственной защиты, принятой в январе, мне хотелось бы рассмотреть общепринятое и всестороннее отношение к России, а также к Китаю как к врагам и попытки возрождения концепции всестороннего доминирования, а также триумфальное возвращение оставшихся со времен Буша сторонников всестороннего доминирования – теперь в еще более откровенной форме. Даже после того, как была доказана их неправота по поводу оружия массового уничтожения в Ираке и всей остальной триумфальной повестки дня первого десятилетия этого века, они все же вернулись. Это все равно, как если бы Трамп был охотником за вампирами и доверил бы графу Дракуле банк крови.

К чему же все это ведет? Как серб по рождению, проработавший большую часть своей жизни в Великобритании и США, должен признать, что мне страшно. Я с самого начала знал, что Запад может быть иррациональным, но тот факт, что западный мир выражает солидарность с такими болванами и вырожденками как Тереза Мэй и Борис Джонсон – это просто смешно! В то же время публичные дискуссии также выглядят пугающе, поскольку, по крайней мере, во времена Карибского кризиса были такие люди как Бобби Кеннеди – люди, которые могли встретиться с советским послом и обсудить все как разумные люди. Теперь же ответственные посты в некоторых важнейших институтах Запада и главным образом США занимают в прямом смысле этого слова психопаты, которые думают о том, чтобы начать и выиграть ядерную войну.

Вторая проблема заключается в том, что в Европе происходит коллапс. Сейчас отношение европейских лидеров к Вашингтону сравнимо с отношением Вальтера Ульбрихта и Тодора Живкова к Леониду Брежневу 50 лет назад. И, наконец, я считаю, что и в этом городе в недостаточной мере понимают, что это **глубокая дыра [00:39:23]**, и идет борьба за существования. У меня волосы встают дыбом, когда я слышу, что русские все еще говорят о «наших западных партнерах». Какое может быть партнерство с теми, кто хочет вас уничтожить? Они ненавидят вас! Они хотят вашей смерти! Они вам не партнеры – они планируют уничтожить вас! Они хотят разорвать вас на части! Они хотят, чтобы в итоге осталась либо постмодернизированная Россия, которая ненавидит себя так же, как лидеры Европейского союза ненавидят свои собственные страны, свое прошлое, свою духовность и свое происхождение, либо никакой России не осталось вообще.

И в этом смысле Россия не только последняя надежда для русских, но также и для всех приличных здравомыслящих европейцев и их трансокеанских потомков. Спасибо.

(00:40:45)

Андрей Кобяков: Большое спасибо. Мне бы хотелось передать слово профессору Данилову. Изменение того баланса силы, о котором я вскользь упомянул во вступительном слове, оно касается и военного баланса сил. Более того, мы видим, что за последние десятилетия использования военной силы в международной политике становится все большей как бы нормой, чаще мы с этим сталкиваемся. Конечно, само по себе использование военной силы в международной политике не есть новость, но, по крайней мере, вот мне представляется, таково мое мнение, что в предшествующий период основные игроки обладали каким-то знанием пределов, соблюдали какие-то все-таки правила игры. В последние же пару десятилетий мне представляется, что все больше признаков такой игры без правил. Это очень опасно, и в то же время вот вы, как известный специалист, уже долгие годы и десятилетия занимающийся проблемами безопасности, мне бы хотелось вас, как профессионала спросить – чем этот сценарий с одной стороны изменения военных балансов в мире, а с другой стороны – заигрывания со все более опасными системами вооружения и со все более взрывоопасными регионами,

чем все это угрожает международной безопасности и куда это опять же ведет, если мы видим в этом определенный тренд и вектор развития?

Дмитрий Данилов: Я тоже начну свое выступление с благодарности организаторам за организацию этого форума, и за то, что позвали меня на эту интересную панель. Но отвечая на вопрос модератора, все-таки позволю себе начать с некоторых исторических констатаций. Практически все до меня говорили о новейшей истории, и я не буду исключением.

Сначала я хотел бы привести одну цитату, которая мне очень нравится и которая ложится в вопросы нашей панели. Это Хань Фэй, III век до нашей эры: нарушение порядка ведет к хаосу, следование порядку ведет к спокойствию. Итак, биполярный порядок был разрушен, но самое главное, что на смену ему так и не пришел какой-то новый порядок. И попытки сформулировать какие-то или сформировать общие пространства, которые основывались бы на кооперативной парадигме и включали бы элементы не конфронтации, а честной конкуренции – все эти попытки за четверть века очевидно провалились.

Более того, я рискну сказать, что на самом деле биполярная конфронтация не была сломана окончательно. Во-первых, сохранились материальные основы этой биполярной конфронтации. Уже говорили о том, каким образом укреплялась, расширялась главная военно-политическая опора евро-атлантической системы НАТО. Но самое главное, что в этом новом мультиполярном мире вот эта биполярность, конфронтация, она продолжала действовать как политическая философия. Мы говорили о том, что игра с нулевой суммой – это уже в прошлом, и теперь нужна игра с добавленной стоимостью сотрудничества и взаимодействия. Но однако, на самом деле в политике игра с нулевой суммой продолжала являться неявным правилом, но очень серьезным правилом, и продолжала действовать логика сдерживания. Таким образом, фундаментальная проблема, которая стояла перед Европой 1990-х после Парижской хартии, осталась неразрешенной. Европа по-прежнему осталась разделенной и эти разделительные линии, как стало теперь понятно, только углублялись по многим причинам.

[00:45:06]

Одна из них заключалась в том, что западная стратегия как раз заключалась в: первое – следовании за лидером; во-вторых – в укреплении собственной системы безопасности путем создания собственной зоны стабильности на основе собственных правил, собственных инструментов и расширения этой зоны безопасности и стабильности. Таким образом Россия выдавливалась из этой системы, более того – противоречия сохранялись.

Причем предупреждение о серьезности этого положения прозвучали в середине 2000-х годов, все вы помните известную речь Путина на мюнхенской конференции 2007 года, где, в принципе, было сказано очень просто: перед нами две перспективы – либо мы

скатываемся назад к взаимному сдерживанию, либо мы каким-то образом пытаемся все-таки создать, сформировать структуры сотрудничества.

Этого сделать не удалось. Теперь мы находимся ситуации серьезнейшего политического кризиса и вопрос стоит в том, насколько он задается – действительно ли это какая-то новая холодная война или нет. Мне, в принципе, кажется неважно, как мы называем это – холодной войной или нет, но налицо все главные признаки холодной войны, и более того – это хуже, чем холодная война, поскольку как уже было сказано: первое – перестают действовать прежние правила игры, система сдержек; во-вторых – взаимная конфронтация сдерживания переносится во внешнее пространство и определяет правила игры на международной арене. И третье – в отличие от прежней ситуации вектор разрядки и сотрудничества уже не уравнивает этот вектор сдерживания и система может эволюционировать в сторону неуправляемых конфронтаций.

И заканчивая я могу сказать, что вызовы и риски действительно велики. В повестке дня сейчас стоит вопрос о том, каким образом и можно ли управлять этими возрастающими военными рисками в условиях раскручивающейся конфронтации. Но ответ крайне сложный, потому что система управления, включая институциональные управления системы безопасности, фактически разрушена, а созданная система контроля над вооружением продолжает деградировать, и неясно, каким образом мы будем жить в этом новом мире, где все меньше и меньше старых правил, но новые правила еще не сформулированы. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо. А при этом дипломатические скандалы лишь снижают дальнейшие возможности и шансы на то, что удастся что-то обсудить и о чем-то договориваться. Да, ситуация приобретает тревожный характер.

Я хотел бы следующий адресовать вопрос Александру Рару. Александр Глебович, мы давно знакомы, я лично знаю вас как активного сторонника сближения Европы и России, организации многостороннего взаимного сотрудничества, выгода которого очевидна для обеих сторон. В то же время Европа, как сегодня здесь говорилось, находится под доминирующим влиянием США. И как мы видим, следует преимущественно в фарватере интересов США, подчас вопреки собственным интересам. Только из-за войны санкций европейский бизнес по многим оценкам, в частности, мне недавно попадалась оценка Российского фонда прямых инвестиций, уже потерял 100 миллиардов евро. Встречал, может быть, чуть более скромные, но, тем не менее, оценки порядка десятка миллиардов евро в год. Во всяком случае речь идет о десятках, а может уже и переходит на сотни миллиардов евро.

К тому же не только факторы экономические и гуманитарные к тому же я хотел бы вслед за тревожным выступлением профессора Данилова подхватить эту тему. К тому же Россию и Америку вообще-то разделяет океан, а Европа и Россия находятся бок о бок. И

обострение отношений между ними особенно опасно, как показали трагические события в частности XX века.

Вопрос я бы сформулировал так, как вы оцениваете перспективы для Европы стать самостоятельным игроком в новом миропорядке, или все же Европа будет выступать преимущественно в альянсе с США, в качестве объединенного Запада на правах некоего младшего партнера? Может быть, постановка вопроса несколько вызывающая, но у нас открытый диалог.

[00:50:10]

Александр Рар: Спасибо за приглашение. Очень приятно быть здесь, у нас здесь за столом фактически единодушие, очень правильно все было сказано, во всех выступлениях действительно подчеркивалась опасность момента, был сделан анализ. Я сожалею о том, что вот такой подиум, который собрался здесь в Москве, невозможно сегодня собрать ни в одной европейской стране. Потому что то, что мы здесь говорим, и то, что я сейчас буду говорить, считается абсолютно политически некорректно, и также для многих людей абсолютно непонятно. К этому я хочу сейчас подойти, к этой проблеме, что мы живем как будто на двух абсолютно разных планетах.

Я думаю, что когда мы говорим, то, что Александр сделал, вспомнил Фукуяму, и сказал, что он не согласен с идеей конца истории. А я считаю, что это самая гениальная идея, которая была провозглашена тогда в 1991 году, но со знаком минус. Но исходя из этой идеи, что лучше, чем либерально-экономическая система Запада уже мир не передумает – стал создаваться именно Запад после 1990-1991 годов. И сегодня одни будут говорить: создан новый Вавилон; другие будут говорить у нас в Европе, что мы создали новую эпоху просвещения-2, которая создала в мире новую мораль, которой не должно быть никакой альтернативы. Потому что все эти альтернативы, которые предлагаются этому мировому порядку, мировоззрению, понятие свободы так, как сегодня интерпретируется на Западе – эти все альтернативы, которые к этому предлагаются, они только устарелые, они не могут быть прогрессивными априори. Они должны относиться к прошлому веку, к мусорной яме истории, никто всерьез их даже обговаривать и дискутировать не хочет.

И действительно создается на Западе не в элитах только, а именно в широких элитах, у населения – миф о том, что лучше жизни не придумать, лучше комфорта, чем сейчас у нас на Западе не может быть. И то, как мы живем – это фактически рай без бога, это как новая какая-то система ценностей, которую невозможно улучшить. И люди очень многие в это свято верят. И главное вот что, тоже хочу это подчеркнуть, что важно: на стороне идеологов этого построения нового этого миропорядка, который действительно такой комфортный, такой красивый как конфетка, вообще выступают все мировые СМИ. И поэтому очень сложно. Вы должны себе представить, что в Германии или во Франции люди же не читают российские газеты или китайские газеты, и альтернативную точку зрения очень трудно понять. Я уже сказал, таких споров не бывает уже, все мозговые

Think Tank, в принципе, все подыгрывают, вот именно строят эту идею, о которой мы сейчас говорим. А средства массовой информации пишут вот это, то же самое. Они стали в чем-то даже новой инквизицией, новой партией войны в этом отношении, которые даже считают, что вот эту система ценностей нужно переносить на другие континенты, на другие культуры и так далее. И очень сложно в таком мире аргументировать, когда очень просто и очень банально, и примитивно нарисованы картинки: вот этот мир хороший, потому что у него высшая мораль, а другой мир плохой, потому что у него плохая мораль.

И вот если себе представить, что последние восемь лет пишется о России, как о стране, которая находится по ту сторону баррикад, которая не принимает это западное развитие, которая отказалась от предложенного партнерства, которое Запад предлагал в 1990-е года и встала в лагерь тех, которых называют знаком минус, то можно себе представить – почему немедленно в обществах, в народах в Европе возникают вот такие чувства сразу, что в России что-то не так, что Россия плохая, Россия против нас действует. Это очень опасный момент и я хотел просто на него обратить внимание, чтобы вы увидели, насколько это серьезно. Это не просто какие-то элиты играют с огнем и пожарами, и подливают масло в огонь. А тут все просто складывается два абсолютно разных мировоззрения.

[00:55:01]

И действительно я согласен, что в конечном итоге есть опасность, что мировоззрение вот такой высшей морали, понимание, что у нас высшая мораль, а другие неморальные, могут привести к войне. Не дай бог, но может быть.

Что касается... у нас два конфликта, вот это конфликт ценностей, о котором мы можем очень много говорить. Но нужно поговорить и подчеркнуть, что нужно решить геополитический конфликт. Это в первую очередь, невзирая на эти самые споры по ценностям. А он есть. Невозможно строить европейское пространство только на двух китах: НАТО и Европейский союз. Нужно придумать третий. Но никто, начиная с украинского кризиса, который из-за этого произошел, не способен и не хочет об этом говорить. От России требуют, чтобы она стала на позицию младшего партнера опять, согласилась с ее ошибками и все. Но так не бывает, нужно выстроить европейский порядок.

Отвечая прямо на вопрос, я заключаю тем самым, я думаю, что Европа при нынешних лидерах и при нынешних элитах, которые воспитаны в трансатлантическом духе, для них Атлантический океан – это не преграда. Там столько самолетов летает над этим океаном, что там связь между Америкой и Европой сегодня даже где-то по своей логистике ближе, чем с Россией. Эта трансатлантическая система будет дальше существовать и будет сделано все для того, чтобы укрепить. Скорее мое видение, конечно, можно поспорить, но мое видение такое, что мы, к сожалению, идем к двухблоковой системе. Трансатлантическая система, которая будет бороться за именно этот комфортный и

либеральный мировой порядок до конца, причем всеми и более жесткими методами. И Россия, Китай, Индия, Турция, Иран, которые будут пытаться сплотиться вокруг новой идеи евразийского рыночного пространства, новых каких-то идей в евразийском пространстве и создавать таким образом многополярный мир. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо. Чрезвычайно интересные мысли рождает выступление ваше. Я хотел бы там два-три пункта просто очень коротко обозначить, которые меня затронули. Во-первых, вот интересная фраза, такая яркая и многозначная: в Европе уверили себя, что построили рай без бога. Честно говоря, для человека верующего представить себе рай без бога – это значит какая-то видимо конструкция, которая является его противоположностью. Это, так сказать мысли вслух. А второе про то, что это убеждение не только каких-то узких элит, но широкого общественного мнения. То есть то, что благодаря и средствам массовой информации, и ежедневному как бы самоубеждению Запад уверил себя в абсолютной правильности только этого образа жизни, только такого подхода к видению человеческой судьбы. Меня заставляет тоже вспомнить интересную вещь, Запад в свое время упрекал СССР в идеологизированности, в том, что наш взгляд зашорен, мы не можем на вещи смотреть так, как они есть. Но как же сильно изменился мир, такое ощущение, что мы поменялись местами. Теперь видимо уже и западный мир просто в своей массе утрачивает способность видеть вещи так, как они есть.

Я хотел бы продолжение нашей дискуссии передать слово Ги Меттану. Вы – автор известной книги, о которой я в начале упоминал, но не назвал. Она в русском переводе называется «Запад – Россия: тысячелетняя война», с подзаголовком – «История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. Почему мы так любим ненавидеть Россию». История свидетельствует о том, и это показывает и ваша книга, что между Европой и Россией пролегает некая полоса отчуждения, связанная с активным нежеланием Европы понимать Россию, признавать какую-то ее собственную правоту. Как вы понимаете суть этого феномена, и как это сказывалось на миропорядке в прошлом, и какое влияние в контексте кризиса современного миропорядка это оказывает на текущую современную и ближайшую международную обстановку, как она будет развиваться под влиянием этого феномена – этой тысячелетней войны Запада и России?

(00:59:55)

Ги Меттан: Большое спасибо за то, что пригласили меня на это мероприятие и дали мне возможность выступить на этом форуме. Мне сложно ответить на ваш вопрос за пять минут, поскольку я думаю, что западная русофобия уходит своими корнями в историю и религию, религиозный раскол между европейским, католическим миром и православным миром.

Но я хотел бы отметить, что, понятие новой холодной войны не лучшим образом подходит для понимания сегодняшней ситуации в мире и того, почему русофобия укоренилась так глубоко. Концепция холодной войны очень хорошо звучит, но она лишь

сбивает с толку и ведет к непониманию. Объяснение тому, что сейчас происходит, нужно искать не в недавней истории, а в глубоком прошлом – во времени, когда Римская республика распадалась и преобразовывалась в мировую империю. Я считаю, что сейчас мы наблюдаем период перехода от так называемой «имперской республики Соединенные Штаты» к Новой Американской Империи. Эти термины очень важны, поскольку цели, амбиции и ресурсы имперской республики сильно отличаются от целей, амбиций и ресурсов империи. Цели имперской республики неограниченны. Она стремится к абсолютной гегемонии над миром и пытается навязать свои моральные и политические ценности всему человечеству, у которого якобы просто не было возможности разделить её великодушные взгляды.

Подобное мы наблюдали в Советском Союзе, который хотел привить свои коммунистические ценности всему остальному миру. То же самое и в Америке с её либеральной демократией: она также хотела поделиться предполагаемыми преимуществами своей системы со всем остальным миром, страдающим от коммунистического ига. Именно это происходило в былые времена холодной войны, которая представляла собой противостояние двух различных имперских республик.

После развала Советского Союза, на протяжении краткого десятилетия американская либеральная республика наслаждалась абсолютной гегемонией. Новые консерваторы и либеральные демократы Вашингтона тешили себя мыслью, что они выиграли холодную войну и смогли навязать либеральную демократию и свободную рыночную экономику всему западному миру. Фрэнсис Фукуяма писал в своей книге о конце истории и триумфе ценностей либеральной демократии и свободного рынка. Президент Буш-старший и президент Буш-младший, президент Клинтон и кандидат в президенты, жена Клинтона, а также президент Обама – все они так или иначе следовали этому стремлению к имперской гегемонии. Для них Россия была «камнем в сапоге», и они всегда пытались разбить её на части, как это предлагал сделать Збигнев Бжезинский в своей книге «Великая шахматная доска», написанной в 1996 году. Но эта стратегия не увенчалась успехом. И тогда они попытались подчинить Россию себе и насильно преобразовать её, как они пытаются сделать это сейчас при помощи экономических санкций. С помощью так называемой «мягкой силы» они пытаются заставить её подчиниться западной либеральной демократии и экономике свободного рынка, в которой доминируют транснациональные корпорации США и во главе которой стоят представители мировой олигархии.

[01:05:09]

В подобной картине в Европейском союзе доминируют Германия под руководством благонамеренной Ангелы Меркель и Франция под руководством антиголлиста, саркозиста и голландиста – страны, которые хотят мягко присоединиться к командованию НАТО и отстаивать интересы США против их традиционных противников, таких как

Каддафи в Ливии и Ассад в Сирии. Таким образом, Европейский союз превратился в рупор западных взглядов – либеральной демократии и экономики свободного рынка – в Европе и Украине, а также в остальном мире, особенно в Африке и на Ближнем Востоке.

Однако избрание Трампа президентом положило конец этим мечтам и этой слаженной идеологии. Именно поэтому его президентство так стараются оспорить, и именно поэтому русофобия в США так сильна. Избрание Трампа знаменует серьезный сдвиг в американской политике и отказ от целей имперской республики. Что касается идеи абсолютной гегемонии США в мире, она преобразуется в более прагматичную и удобную идею господства над более ограниченной частью мира. Трамп, так же, как и Обама – только тот делал это в менее явной форме – принимает подъем Китая и новый подъем России как факт. Он придерживается мнения, что президент Соединенных Штатов должен фокусироваться на своей ключевой территории и её зоне влияния, то есть, грубо говоря, на Европе и Латинской Америке, которую Америка полностью подчинила себе, устранив всех правителей левого толка. Сопrotивляется только Венесуэла, но в остальных странах, например в Бразилии, правительство устранили. То есть нужно сконцентрироваться на ключевой территории Империи. Туда также входит Израиль и тихоокеанские государства-вассалы, такие как Япония, Тайланд, Южная Корея и т.д.

Это не нравится новым консерваторам, таким как Джон Маккейн и либеральным демократам, таким как Клинтонь. Западные СМИ, такие как *New York Time* и *Washington Post*, никак не могут принять необходимость отказаться от мировой гегемонии и похоронить все свои мечты. Именно поэтому они не могут простить Трампа за то, что он разбил их мечты.

Ну а последствия всего этого для России я объясню в следующий раз. Благодарю за внимание!

(01:08:35)

Андрей Кобяков: Спасибо. Мы выбиваемся из времени, но действительно очень важные, интересные вещи говорят наши ораторы. Поэтому чрезвычайно неприятно мне самому прерывать эти мысли. Возвращаясь или подхватывая тему русофобии, которую вы начали, господин Трифкович, я все-таки хотел бы задать вопрос – чего больше в этой русофобии, которая является сегодня одним из важнейших факторов мировой политики? Все-таки рациональная или иррациональная природа превалирует? И что в этих условиях России все-таки правильнее делать, когда эта русофобия является неприкрытой, агрессивной?

(01:09:26)

Срджа Трифкович: Я бы сказал, что в целом традиционная уходящая корнями в геополитику форма русофобии более присуща неоконсервативным (нрзб.) правым, а культурная русофобия более типична для постмодернистских либеральных левых. Но два этих типа русофобии сливаются воедино, и есть и такие люди, в которых они сочетаются: с

одной стороны, они хотят уничтожить Россию, потому что Россия слишком большая – как сказала Мадлен Олбрайт: «Это несправедливо, что им досталась Сибирь. Нужно забрать её!»

[01:10:11]

А, с другой стороны, они хотят уничтожить Россию потому, что Россия – это Россия. Это такие люди как Юлия Иоффе. На самом деле одни из самых ярких русофобов на Западе – это русские экспатрианты, которые чувствуют себя в Гринвич-Виллидж в Нью-Йорке или в Челси в Лондоне лучше, чем когда-либо чувствовали себя в Москве или Санкт-Петербурге. Часто это дети или внуки привилегированной советской элиты, и они ненавидят Россию еще больше, чем те, кто родился и вырос на Западе.

Но что же делать России? Я скажу вам что. Будьте сильными и решительными. Потому что пытаться смириться с безумием означает стать частью этого безумия. Вы не сможете им угодить.... Если вы Хаим Гринберг и хотите угодить Эйхману, вам это не удастся. Не уничтожат они вас лишь в том случае, если будут вас уважать и знать, что если они попытаются повторить 1812 или 1941, они заплатят за это еще большую цену, чем заплатила Великая Армия 200 лет назад и коалиция Барбароссы в 1941. Это единственный язык, который они понимают.

Вам также стоит продемонстрировать мягкую силу тем представителям Запада, которые не хотят подвергаться постмодернизации, не ненавидят своих предков и не верят, что нужно стереть границы между расами, религиями, континентами, нациями и полами – ведь постмодернизм расцветает на зыбких границах. Сегодня я мусульманин, завтра я трансгендер, послезавтра стану буддистом, а потом веганом. Вся эта концепция, что страны принадлежат не нациям, а всем, кто находится внутри их границ – здесь её еще не упоминали, а ведь это самая большая угроза Европе. Поэтому Россия должна стать защитницей... я бы не сказал консервативных, но традиционных ценностей, в том числе того факта, что мы гордимся, например, тем, что мы европейцы, христиане и гетеросексуалисты.

(01:12:43)

Андрей Кобяков: Мне нечего добавить аплодисментам в зале, блестящее выступление. Тем не менее, вполне возможно, что могут существовать и какие-то другие точки зрения о том, что нужно делать России. Я хотел бы многоопытного политика, господина Вилли Виммера спросить: может ли Запад, а я имею в виду, конечно, прежде всего, англо-американские элиты, которые осуществляют контроль над процессом, так может ли Запад, совершая столь грубое давление на Россию, добиться поставленных целей? В принципе, возможно ли это? Пойдет ли Россия на отказ от собственных интересов, на ущемление собственного суверенитета, а если нет, то это к чему может привести?

(01:13:38)

Вилли Виммер: Данные вопросы мы обсуждаем каждый день. У нас есть идеи по этому поводу, о которых мы уже говорили раньше. Но я просто хочу обратиться к реальности. Я думаю, мы наблюдаем интересное развитие, касающееся сегодняшней российской политики, если взглянуть на Ближний Восток. И я возвращаюсь к истории своей страны: в то время, когда мы начали первую мировую войну, международное еврейское сообщество было на стороне Германии. Они были на стороне кайзера по вопросу вступления в первую мировую войну.

Все изменилось в 1916 году с принятием соглашения Сайкса – Пико, когда британцам и французам пообещали еврейскую территорию в Палестине. В результате США вошли в первую мировую войну. Я вспомнил эту историю, чтобы обратиться к современной ситуации на Ближнем Востоке. Кто сможет установить мир в Израиле?

[01:15:08]

Американцы, которые в последние 10-20 лет были инициаторами всех войн в регионе? Или, может быть, политика президента Путина, которая призывает следовать в Сирии международному закону и поддерживать и защищать законное правительство, а также наладить хорошие отношения с Ираном. Я думаю на Ближнем Востоке сложилась интересная и уникальная ситуация, в которой именно Россия может установить мир в этом регионе. Это также касается отношений с Израилем, Ираном и другими странами. Возможно, я рисую слишком оптимистичную картину, но я думаю, что у меня есть на это все основания. Поэтому я считаю, что это отлично, что у вашего президента впереди еще шесть лет правления, потому что этого времени как раз хватит для того, чтобы хотя бы попытаться сделать это.

И если вспомнить историю путча в Киеве, в Украине и взглянуть, кто именно организовал этот путч, все это были древние семьи с корнями в России, желающие вернуться в свою собственную Россию, из США обратно в Москву. Так что я думаю, никто не говорит об Израиле или международном еврейском сообществе. Но если мы хотим мира в будущем, думаю, ключевую роль в этом отводится Москве и её отношениям с Ближним Востоком.

(01:17:10)

Андрей Кобяков: Спасибо, господин Виммер, за высокую оценку роли России в качестве страны, способной приводить к многосторонним договоренностям и устойчивому миру. Тем не менее, вопрос, который был поднят господином Трифковичем, продолжает оставаться для меня как бы открытым в некотором роде. Мне очень нравится его эмоциональный подход, и я внутренне соглашаюсь с ним. В то же время я отмечаю, что в последнее время можно наблюдать два подхода к оценке обстановки для России, соответствующие два подхода к определению линии поведения нашей страны перед лицом нынешнего кризиса в отношениях с Западом.

В российском экспертном сообществе эти обе точки зрения довольно четко представлены. Представителем одного подхода, я в данном случае говорю, может быть, не как о самом типичном представителе, а как одном из представителей этого подхода – известный политический эксперт Андрей Кортунوف, руководитель Российского совета по международным делам, один из соруководителей, который сетует на неумение России и ее элит договариваться с Западом. Вот вплоть до самых последних своих публикаций, причем, как мне кажется, чем дальше, тем все чаще он поднимает этот аспект, и соответственно говорит о том, что надо договариваться, мы не умеем, надо учиться, и проявлять как можно больше гибкости, воздерживаться от жестких реакций.

В то же время все большее число экспертов, причем отнюдь не радикальных, а весьма умеренного толка, я сейчас назову имена и многие поймут, что действительно я не преувеличиваю ситуацию – они уже начинают менять свою прежнюю позицию, указывая на сокращение возможностей для гибкости, и необходимость более трезвого взгляда на происходящее, которое требует большей определенности, определенной жесткости в отстаивании своих собственных позиций. Мы это слышим в последних публичных высказываниях, интервью и статьях таких деятелей, тоже не менее известных, чем Кортунов, как Сергей Караганов, Федор Лукьянов, которые связаны с Советом по внешней оборонной политике России – еще одним крупным Think Tank и общественной организацией, влияющей на подходы к российской внешней политике.

Я хотел бы вопрос адресовать вам, Дмитрий Александрович. Все-таки у вас специфическое поле деятельности. Как вы в этой связи считаете, во-первых – какую часть из этих аргументов следует признать более правильной, и как в этой связи вы оцениваете вторую часть президентского послания Путина, получившую в экспертных кругах и в России, и за рубежом, надо заметить, неоднозначные толкования и оценки. Как нам отнестись к этому и какую занять позицию: идти на гибкие схемы, продолжать, несмотря на ужесточение позиции с другой стороны идти на эту гибкость, или все-таки подчеркивать какую-то жесткость и давать решительный ответ?

[01:20:37]

Дмитрий Данилов: На этот вопрос не очень просто ответить, но я считаю, что ответ нужно начинать с того, что прежде чем выбирать, каким путем идти, нужно понимать российские стратегические интересы. Если мы будем свою политику основывать на интересах, значит, этим интересам нужно следовать жестко и бескомпромиссно. Другой вопрос – какими способами мы можем добиваться этих результатов, каким образом мы можем проводить жесткую политику следования национальным интересам. И здесь возможна определенная гибкость, естественно, потому что дипломатия и политика – это все-таки необходимость обеспечения компромисса. Но вы абсолютно правы в своей постановке вопроса в том, что возможности для гибкости в нынешних условиях, в кризисных условиях крайне снижаются.

Давайте все-таки тогда приведем какой-то пример, чтобы было понятно. Вот посмотрите: Европейский союз издает в 2016 году глобальную стратегию по внешней политике и безопасности, где России отведен лишь один параграф, который называется «Европейская безопасность», и там, естественно, проводится мысль о том, что Россия виновата во всем, Россия проводит агрессивную политику, аннексия Крыма и так далее, и что договариваться с Москвой можно только тогда, когда Россия выполнит Минские соглашения. Я немножко утрирую, конечно, но смысл именно в этом. И за пределами этого параграфа России больше не упоминается ни в разделах «Партнерство», ни в других разделах и так далее.

Что отвечает Москва? Москва выпускает новую стратегию внешней политики, где пишется: Европейский союз остается важным партнером Российской Федерации. То есть это жесткий ответ или это гибкость? Я считаю, что это совершенно реалистичный подход, связанный с пониманием того, какие вообще пути в будущее у нас есть, какую антикризисную стратегию мы должны выстраивать, куда мы должны двигаться, и каким образом все-таки мы планируем проводить внутреннюю модернизацию, если считаем это главным интересом. И на этом пути, конечно, возможна определенная гибкость. Но где она сейчас, после этого дела Солсбери, каким образом и на каких площадках обеспечивать тот стратегический интерес, который Россия сформулировала? Это лишь один из примеров, но он описывает ситуацию.

Андрей Кобяков: Спасибо, ответ ясен. Я думаю, что действительно нужно в любом случае придерживаться здравого смысла, несмотря на то, что эмоции всем нам свойственны, и было бы неправильно сказать, что мы не негодуем, но сдерживать себя в определенных обстоятельствах необходимо именно во имя наших же стратегических интересов. Мы выбиваемся из времени, но с другой стороны, может быть, я чуть-чуть прибавлю наше время, я понимаю, что все хотят на обед попасть, но, тем не менее – редкая возможность послушать столь ярких гостей.

Я хотел бы передать слово господину Шопраду. Мы видим, как уже много здесь было сказано, что огромное и все растущее давление идет на Россию, стремление осуществить ее политическую изоляцию, окончательно оттеснить ее на обочину исторического процесса. Считаете ли вы, что действуя таким образом, Запад действует в собственных интересах? В частности, каковы на самом деле интересы Европы и какими в контексте интересов Европы должны были бы быть ее отношения с Россией? И еще такой дополнительный вопрос, понимаю, что предельно сжато нужно ответить: остались ли шансы на претворение идеи о едином пространстве от Лиссабона до Владивостока, основанном на общности наших интересов?

(01:24:46)

Эмерик Шопрад: Большое спасибо. Я не стал бы утверждать, что европейцы вас не любят или ненавидят. Я думаю, что это неверная и опасная идея. Во-первых, эта идея опасна.

Почему? Потому что, если это правда, если европейцы действительно вас не любят, это означает, что единственный выход – это война. Других вариантов нет. Но, к счастью, это не так. Мы говорим о небольшом, но влиятельном меньшинстве и о центральных СМИ, а не обо всем населении Европы. Могу вас заверить – жители Европы ничего не имеют против России. Как политик могу сказать вам, что это истинная правда. Мы говорим о пронатовских силах, и эти силы, к сожалению, очень мощны в странах Европейского Союза. Но ничего неотвратимого в этом нет – мы можем изменить ситуацию. Лично я не верю в русофобию. Русофобия – всего лишь порождение Голливуда. Как только мы полюбим русские фильмы, в которых главными злодеями выступают американцы, мы сразу меняем свое мнение. Так что все зависит от России и от того, станет ли она сильным игроком в глобализации, который производит собственную развлекательную продукцию. Все может измениться, ничего неотвратимого здесь нет.

Не думаю, что паранойя или изоляция по типу Северной Кореи – это хороший выход. Я не верю, что это так. Я думаю, что Россия должна стать крупным игроком. У вас столько творческих, умных людей, что вы сможете стать крупным игроком в этой глобализации. Стратегия НАТО противостоять вашей стране и настроить европейцев против вас вовсе не является необратимой. Так что, пожалуйста, не нужно верить в то, что война неизбежна, потому что это очень опасная идея. Спасибо.

(01:27:18)

Андрей Кобяков: Спасибо, господин Шопрад, что вы заверяете нас... возвращаете нам определенный оптимизм, что не все на самом деле так обстоит страшно, не все так запущено, что вам действительно, как политику, который избран народом и общается с народом, наверняка, многие вещи видны. С другой стороны я бы не стал и избыточный оптимизм по этому поводу испытывать. Нынешний скандал вокруг дела Скрипаля привел к высылке более 150 дипломатов с одной, и примерно столько же, на самом деле даже больше, с учетом сокращения размера Британского консульства, порядка 200 с лишним человек с другой стороны. Подобные объемы высылки дипломатов в истории человечества чаще всего бывали в преддверии объявления войны. Если это делается безответными людьми, тогда возникает вопрос: почему же на это идут десятки государств? Ведь число их исчисляется больше 20. Что – во всех этих странах настолько безответственные политики, настолько безответственные руководители, и что – нам нужно смотреть на это и не видеть в этом, как вы говорите, какой-то фатальной угрозы. Я не то чтобы возражаю вам, я хотел бы, также как и вы, оставаться оптимистом. Но мне кажется, что именно в последний момент ситуация зашла слишком далеко и она становится чрезвычайно опасной, она заставляет всех задуматься о том, как искать выходы из этой ситуации, потому что дальнейшее ее развитие и дальнейший рост эскалации действительно будет приводить уже к какому-то тотальному разрушению представлений дружеских друг о друге. Мы понимаем, что это уже откровенно враждебные действия, в которых мы живем.

Мне бы хотелось попросить еще Александра Рара вот какой аспект поднять. Мы помним что в прошлую холодную войну Германия и ее тогдашние лидеры сыграли, пожалуй, ключевую роль в налаживании диалога, экономического сотрудничества и разрядке международной напряженности. Несмотря на ожесточенное противостояние двух систем были личности типа Вилли Брандта и Шмидта, Шейле, в общем-то и позже, мы понимаем, что возводились такие проекты в самый разгар холодной войны, даже в период бойкотов, которые были связаны с войной в Афганистане, как постройка газопровода из Западной Сибири в Европу.

[01:30:04]

За этим стояла инициатива, в частности, и политических, и деловых элит Германии. Способна ли сегодня Германия выступить инициатором налаживания отношений? Вопрос во многом, как мне кажется, риторический. Почему этого не происходит?

Александр Рар: Почему не происходит? Есть пул политиков, которые этого хотят, но они не у власти, они не влиятельны. Вот то, что коллега из Франции сказал, я подписываюсь под каждым словом: нужна России мягкая сила. Когда придумывают фильмы Джеймса Бонда, где русский герой, а американский или западный – бандит или негодяй, и это будет просматриваться по всему миру... Вот на таком уровне комиксов начинают меняться отношения к России.

Я вам так скажу, к сожалению, и себе делаю больно, как представителю все-таки старой русской эмиграции, но мне очень больно, что Россию вот в те годы, которые вы говорите – 1970-1980-е годы – там Россию уважали, Советский Союз боялись и уважали, пытались договориться. Сейчас об Россию обтирают ноги, потому что Россия во многом людям на Западе не нужна, она страна... я жестко говорю, но лучше так говорить, чем вокруг да около. И мне от этого больно, повторяюсь, и даже тошнит. Но это так, потому что люди не признают страну, считают, что она проиграла холодную войну, действительно многие считают, что вся молодежь России не хочет идти за Путиным, что она хочет обратно в Европу, что 1990-е годы были священные для России, когда Россия приобрела свободу, демократию. А потом пришли какие-то другие люди и начали Россию опять вести в средневековье. Вы понимаете, это утвердилось в мозгах людей.

И еще я вам скажу, что я сам учился в западной школе в Мюнхене, во Франкфурте. Вы понимаете, что все понимание того, как Вторая мировая была выиграна у Германии, и потом все эти процессы, которые пошли после этого – они же приписываются американцам. Американцы освободили Германию, американцы выиграли Вторую мировую войну. На самом деле американцы потеряли 400 тысяч человек во время войны, а советские народы 27 миллионов.

Андрей Кобяков: Уже 30 практически, признано.

Александр Рар: Этого никто не знает, потому что в историографии этого нету. Вот поэтому, действительно – наши элиты, и тут американцы молодцы, они немцев оккупировали и сделали из них, в принципе, очень послушных европейцев. Они создали всюду элиты. Вот мы опять о мягкой силе, но любого немецкого политика, любого немецкого журналиста начинающего, я сам был таким, я работал на радиостанции «Свобода», отправляют в Америку, человек, который подает надежды в Европе, едет в Америку, его там в университеты устраивают, он там проходит лекции, там его в клубы принимают, в разные организации. А потом возвращается, и, конечно, будет всегда чувствовать себя приверженным этому американскому духу – american way of life, который такой прекрасный. Вот Россия, вот то, что я могу только посоветовать, что мой французский коллега сказал, стопроцентно так: нужно создавать центры мягкой силы и привлекать, привлекать и привлекать тоже людей с Европы для того, чтобы действительно вот в этом отношении Россия стала бы побеждать.

Позвольте вот одно последнее предложить, самое последнее, потом я закончу. Я вижу здесь очень крупные российские институты, Think Tank, вот я тоже к моему другу Дмитрию обращаюсь – они тоже хотят Запад не терять. Вот поэтому я Кортунова хочу подчеркнуть, то, что он говорит, у нас он тоже говорит и пишет: русские институты хотят дружить даже в это сложное время с американскими, с немецкими, с французским Think Tank, которые где-то играют на высоком уровне. Они хотят быть признаны, у них там тщеславие, они хотят там быть, они хотят там выступать, они хотят быть любимыми, поэтому они ищут выход туда. А я считаю, что нужно также работать с людьми, которые здесь за столом сидят, с другими институтами, которые тоже нуждаются в самом близком сотрудничестве с российскими академическими кругами, с российскими университетами, неправительственными организациями, которые пытаются показать другую точку зрения, альтернативную точку зрения о том, что происходит в мире. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо. Сделаю короткий рекламный анонс, потому что вы практически затронули тему. Не случайно же возникает такая вещь, что американцы воспользовались ситуацией, они превратили в комиксы, тем самым они во многом уверили общественное мнение, мы в этом проигрываем. То есть вы говорите об информационной войне, но мы понимаем, что и здесь попытки России играть по тем же правилам встречают такой отпор, что, честно говоря, никакой симметрии не возникает.

Но в чем реклама? В том, что после обеда именно в этом же зале будет дискуссия по информационной войне, и часть участников сегодняшнего нашего круглого стола будет в этом тоже принимать участие. У нас очень осталось мало времени, я боюсь, что я не выполняю обещание всем предоставить дважды слово, но я бы хотел все-таки, чтобы закончил нашу беседу тот, кто ее сегодня открывал – Дмитрий Борисович, все-таки по итогам произошедшего разговор: есть шанс у России на активную роль в формировании будущего мирового порядка, и что действительно делать нам, хватает ли нам сил? Как-то в таком ключе завершить наш сегодняшний дискурс.

[01:35:57]

Дмитрий Рюриков: Спасибо. Я хотел бы присоединиться ко всем выступавшим и выразить согласие со всем, что они говорили, все очень важно, интересно. Что касается вашего вопроса, то здесь очевидный ответ. Что такое мировой порядок? Это и внутренняя ситуация во всех ведущих игроках, внутренняя политика, внутреннее жизнеустройство, и естественно все это выражается на международной арене. Если в России будет мощная экономика, если будет мощное развитие технологий и так далее, при сохранении той моральной сферы, при сохранении всех тех ценностей и основ, которые составляют нашу картину мира, которой мы хотим придерживаться дальше, то, безусловно, это будет очень важным фактором в строительстве какого-то нового миропорядка, который будет включать и элементы Ялтинских и Потсдамских соглашений и какие-то новые моменты. И тут, мне кажется, будут уместны и проявление мягкости, и проявление какой-то компромиссной работы, но и проявление жесткости.

И вот здесь я хотел обратить внимание на роль, которую сыграло и выступление известное Владимира Путина перед Федеральным собранием, и доктринальные российские документы, в которых достаточно жестко ставится вопрос о реакции России в случае неприемлемых для нее шагов со стороны тех, кто видит в России препятствие на пути к установлению нового мирового порядка. Очень хорошо говорили коллеги о том, как выглядит вообще новый мировой порядок в Европе, и что они хотят увидеть во всем мире рай без бога. Это сплошной гедонизм, красивая действительно обертка. На самом деле абсолютно нереальная вещь, но к этому стремятся и много делают, и, конечно, для того, чтобы заставить весь мир принять такую вот оберточную картинку, и жить по нему главное, со всеми реалиями вот этой картинки – я думаю, что здесь нужно быть очень внимательным и следить за тем, что делают наши «партнеры» в кавычках. Они очень серьезно настроены, я бы не стал преуменьшать опасность конфликта, в том числе крупного достаточно, вооруженного конфликта крупного для того, чтобы поставить вопрос о том, что вот они победили, если они победят в этом конфликте, и теперь можно спокойно устанавливать вот этот идеалистический и гедонистический новый мировой порядок, поскольку каждый раз какой-то мировой или региональный порядок устанавливался после войны, вооруженного конфликта.

Мы возьмем Вестфальский мир, пожалуйста – тридцатилетняя, пятидесятилетняя война. Мы возьмем Версальский мир – ну, не удалось построить какой-то мировой порядок, но Первая мировая война завершилась Версальским миром. И Ялтинские, Потсдамские. Что нас ждет сейчас? Надо просто внимательно читать заявления наших британских «партнеров» так скажем, с юмором в кавычках. Но в заявлениях госпожи Мэй, и господина Джонсона сказано, что они оценивают ситуацию следующим образом – эту ситуация в Солсбери: что произошло нападение на члена НАТО и это уже затрагивает статью 5 устава НАТО, военную, фиксируется факт – это очень важно иметь в виду. И

второе – уже в связи с фиксацией этого факта фиксируется право Великобритании на самооборону в соответствии с статьей 51 устава ООН.

[01:40:55]

То есть мы в результате ситуации с инцидентом в Солсбери, пришли к такому состоянию, как когда Великобритания явно совершенно при несогласии Вашингтона и, может быть, при подсказке Вашингтона, практически зафиксировала очень опасную ситуацию. Дальше наши партнеры могут играть уже в какие-то другие игры, очень опасные, и я хотел бы сказать, что это говорит о том, что мы вступаем в судьбоносное время, очень судьбоносное не только для России, но и для всего мира. Спасибо.

Андрей Кобяков: Спасибо. Мой опыт модерирования мероприятий в рамках Московского экономического форума приучил меня к тому, что надо как-то вытягивать конец мероприятия обязательно на оптимистическую ноту. Но сегодня состоявшееся обсуждение не дает мне для этого шанса, хотя это и не пессимизм – это нота тревоги. Я думаю, что все сидящие за этим столом именно потому здесь и находятся, что они испытывают тревогу по поводу происходящих событий, по поводу разрушающихся конструкций стабильности, по поводу разрушающихся устоявшихся векторов развития человеческого сообщества. И в этом я вижу осторожный оптимизм. И продолжая то, о чем сказал Александр Рар – да, и неправительственные организации... Московский экономический форум – это неправительственная организация, которая пытается свою лепту внести в поиски ответов на самые ключевые вопросы жизни как нашей страны, так и мира в целом.

Я считаю, что сегодняшний круглый стол однозначно успешен, очень интересные выступления ораторов. Я благодарю всех собравшихся в этом зале за то, что вы нашли возможность пересидеть, а также, и прежде всего, наших ораторов. Давайте еще раз их поблагодарим за то, что они приехали к нам, нашли возможность здесь выступить. До свидания.

Конец записи [01:43:27]